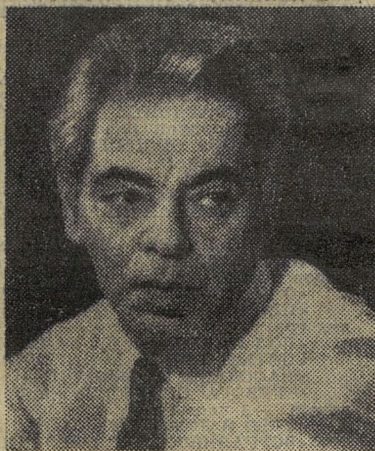

КАЖДЫЙ ДЕНЬ — ПРЕМЬЕРА

МАСТЕРА ИСКУССТВ
РАССКАЗЫВАЮТ

НЕТ, НАВЕРНОЕ, СРЕДИ
АРТИСТОВ СОВЕТСКОЙ ЭСТРАДЫ
ЧЕЛОВЕКА БОЛЕЕ ПОПУЛЯРНОГО,
ЧЕМ АРКАДИЙ РАЙКИН.
СЕГОДНЯ ЛЕНИНГРАДЦЫ, ГОСТИ
ИЗ ДРУГИХ ГОРОДОВ — ДРУЗЬЯ
ТЕАТРА МИНИАТЮР И
ПОКЛОННИКИ ТАЛАНТА АКТЕРА
СОБЕРУТСЯ ВО ДВОРЦЕ
КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ ПЕРВОЙ
ПЯТИЛЕТКИ, ЧТОБЫ ПОЗДРАВИТЬ
ЕГО С ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ И
ВЫСОКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
НАГРАДОЙ — ОРДЕНОМ
ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ.
А НАКАНУНЕ ЭТОГО ВЕЧЕРА
МЫ БЕСЕДОВАЛИ С НАРОДНЫМ
АРТИСТОМ СССР
А. И. РАЙКИНЫМ

— Ваше шестидесятилетие, Аркадий Исаакович, фактически уже миновало. Немало было сказано добрых слов, пожеланий. Как вы себя чувствовали в качестве юбиляра?

Юбилей порой застигает человека врасплох, и я себя чувствую застигнутым именно врасплох. Не предполагал даже, что это так быстро состоится. Дата выскочила совершенно неожиданно. И я к ней психологически не готовился.

Шестьдесят лет связаны еще частично и с тем, что человек выходит на пенсию... Искусством — убежден в этом — можно заниматься до конца своих дней, потому что, чем больше опыт, жизненный и творческий, тем ты имеешь все больше и больше возможностей рассказать людям о времени и о себе.

Но главное все-таки не в этом. Главное — осталась еще масса нерешенных важных проблем, которые мы пока не успели поставить перед общественностью в спектаклях нашего театра. Мне кажется, что главные спектакли, главные темы — еще впереди.

— Вы на эстраде сорок лет. Неловко, пожалуй, спрашивать у юбиляра, что сделано за эти годы, тем более что много написано, многое вы видели сами. Но все-таки сорок лет... Что они для вас?

— Сорок лет для меня — это прежде всего сорок лет жизни нашей страны. Бывая в разных городах, мы видим и успехи, и недостатки. Недостатки эти, по сравнению с огромными успехами, — маленькие. И нашему театру выпала, я бы сказал, почетная миссия: быть пропагандистом, бороться за высокую мораль, бороться со всякими недостатками.

— За сорок лет около тысячи персонажей создали на сцене?

— Думаю, что больше. Вот, к примеру, в том монологе, которым открывается наш нынешний спектакль, — мы рассматриваем его как ключ к пониманию всего представления, — в нем одном участвует масса характеров, происходит множество событий. И так — в каждом монологе, в каждой миниатюре. Потому я не могу математически исчислить количество персонажей — за каждым из них обилие встреч, наблюдений, впечатлений. А каждый персонаж — это нечто собирательное. Он появляется на сцене всего на две-три минуты, а за ним...

— Есть ли у вас самая любимая миниатюра, самый дорогой персонаж?

— Знаете, любая миниатюра может стать самой любимой. Мы обычно играем спектакль один-два сезона. А за это время происходит множество перемен и с миниатюрой, и с интермедией, и с самим персонажем. Он меняется. Каждый день — он другой, каждый день — премьера. Как правило, мне всегда жаль расставаться с героем, которого перестаю играть.

Нет, любимого назвать не могу. Есть любимая тема — лирическая, она всегда в основе наших программ. И всегда мы помним голливудские слова о том, что театр — это кафедра, с которой можно сказать миру много добра. Добро... Во имя его мы и играем спектакли. Любая наша программа характерна, по крайней мере так нам кажется, не отрицательными персо-

нажами, а борьбой с ними, с теми уродливыми явлениями, для которых не может быть места в нашей стране.

— В одном из своих классических монологов вы говорили: смех бывает разный — гомерический, иронический, сардонический... Какой смех вы сами больше всего любите и какому отдаете предпочтение?

— Прежде всего должна быть ясна и понятна зрителю гражданская позиция актера. А уж смех, который возникает в зале, в этом случае всегда будет оправдан. Возникнет ли он от буффонады, водевиля, маленькой песенки, трансформации — не имеет значения. Конечно, буффонадный смех будет более сильным. А в каком-то лирическом монологе в зрительном зале — больше улыбки, чем смеха гомерического. Но, тем не менее, эта лирическая улыбка мне более дорога: главное — не количество смеха, а цель, смысл всего спектакля.

— Вы выступаете в театре, участвуете в концертах, появляетесь на телевидении, на радио. Не говоря о любви к театру, чему вы отдаете предпочтение?

— Настоящее и наиболее полное впечатление об актере может сложиться только в театре. Что же касается радио и телевидения, тут хозяин — не актер, а составитель программ. Он может взять порой самую незначительную вещь, от которой ты уже давно отказался, и слушать или видеть это мне бывает неловко. Так что, кроме благодарности радио и телевидению, еще часто испытываю, как это ни странно, и досаду. Актеры представляют однобоко. Это все равно, что сказать живописцу: сколько там красок в вашей палитре? Много? Так вот, дайте одну маленькую красочку... Вот так иногда выглядим мы в радио- и телепередачах.

— А ваши отношения с кинематографом? Они ведь давние — с «Доктора Калижонко»?

— Давние, но не очень хорошие. Мне кажется, что творческий процесс в кино кончается подчас написанием сценария. А дальше — производство, план. Творческое же вдохновение не всегда спланируешь. Оно приходит с работой, а работы, репетиций в кино не всегда достаточно.

— Ваша последняя работа — «Волшебная сила искусства», где слились кино и телевидение. Что вы о ней скажете?

— Люблю ее. В первую очередь она мне дорога своей темой: добрым людям надо, необходимо помогать, защищать их от зла. И не посчитайте за нескромность, но, с моей чисто профессиональной точки зрения, в этой картине нет ни одного пустого кадра или пустой фразы. И заслуга в этом — всего сменного коллектива.

— Это было. Увидим ли мы еще Райкина на экране?

— Сейчас телевидение предложило мне сняться в нескольких фильмах. Что из этого получится — не знаю: очень много вопросов возникает — что, как, с кем? Но хочется, чтобы работа эта была серьезной.

— А новый спектакль в театре?

— Продолжаем подбирать литературный материал. Среди авторов — Лиходеев, Настроевы, Арканов и Горин, Гиндин и Рябкин. На-

деюсь, что напишет и наш давний автор и друг Владимир Поляков.

Одна из центральных тем будущего спектакля — тема заботы о человеке, то, что мы теперь называем сферой обслуживания. Вот, к примеру, маленький вроде бы недостаток: медленно подающий официант — нынче это становится недостатком крупным, ибо с каждым днем мы все более и более убеждаемся в справедливости старой истины, что время — это деньги. Время — беречь его, уметь распоряжаться им по-хозяйски. И при этом более доброжелательно относиться к тем, кто рядом.

— Сложилось так, что в Ленинграде есть Театр миниатюр и Театр эстрады — концертная площадка, где вы иногда играете. Не кажется ли вам, что нашему городу нужен настоящий Театр эстрады?

— Наверное, да. Но, кроме того, мне давно кажется, что нужен и Театр миниатюр. Ведь тридцать с лишним лет наш коллектив не имеет своего постоянного помещения. Репетируем, готовим спектакли, что называется, где придется. Я оптимист и верю, что когда-нибудь такой театр — Театр миниатюр — в Ленинграде откроется.

— Мы говорили уже о том, как чувствует себя шестидесятилетний юбиляр. А не вспомните ли вы, как чувствовали себя, выходя первый раз на эстраду?

— Чувствовал себя крайне неуверенно. Между прочим, так же, как и сейчас. Ведь и по сей день я продолжаю оставаться учеником. Может, это: прозвучит несколько парадоксально и неожиданно, но — продолжаю учиться. Учиться можно и должно до конца дней своих. Как только ты становишься метром, академиком, который больше поучает — пусть не обижаются наши академики, я не их имею в виду, а академиков в кавычках, — как только человек чувствует себя очень самоуверенно, он перестает быть личностью творческой. Уходит творчество. Куда оно девается — непонятно, как сквозь землю проваливается.

Мне кажется, неуверенность в себе — самое естественное состояние всякого творческого человека. Потому что поиск — это всегда задача со многими неизвестными. Удастся ее решить или нет — никто заранее сказать не может. И это-то как раз всегда и интересно.

— Вы побывали во многих городах — и у нас, и за рубежом. Есть ли самый любимый город?

— Вы ставите меня в неловкое положение по очень простой причине. Потому что, если я скажу, что мне очень дорог Ленинград, это будет закономерно, ибо газета наша ленинградская да и сам я ленинградец. Но если прочтут газету москвичи, они будут обижены: позвольте, как это? А Москва? Вы, что же, относитесь к нам хуже, чем к Ленинграду? Тем более что на невских берегах наша семья живет не полностью — дети живут и работают в столице: дочка играет в Театре имени Вахтангова, а сын — в «Современнике».

Может предьявить претензии и Рига, где я родился...

А города Болгарии, Венгрии, которые мне не менее дороги?

Поэтому скажу так: очень люблю нашу страну, люблю выступать в разных ее городах, люблю бывать и за рубежом, потому что советские театры встречают там очень теплый прием. Я понимаю, что этот прием адресован не только к актеру, но и к гражданину Страны Советов. Каждые зарубежные гастроли — это еще и миссия, всегда чувствуешь себя представителем своей страны и испытываешь особую гордость.

Но, конечно, все-таки самый дорогой для меня город — Ленинград. Я провел здесь детство и юность, да, в общем, всю свою жизнь. Здесь родился наш театр, здесь мы получили «боевое крещение».

С этим городом связано очень многое, пожалуй, главное и в моей жизни, и в жизни моих товарищей. И каждый раз, возвращаясь из поездок, я не перестаю восхищаться нашим городом, разными его уголками. Люблю бродить у «Старой Голландии», по Каменному острову, бывать в Летнем саду, ходить по набережным Невы. И каждый раз — будто впервые — восхищаться их красотой.

Не говорю уже о том, что самый чуткий, по моему убеждению, зритель в мире — зритель ленинградский.

Беседу вел
Б. КАРАБАЕВ